

в *первоматерию*. Однако сам образ *первоматерия* — вещи из нее есть творческое изобретение алхимика; не холодного ремесленника, но высокого художника.

Различные формы, сочетающиеся друг с другом, порождают артистически бесконечное многообразие новых тел, исполненное алхимического эстетизма. Вместе с тем однообразная *первичная материя* — не только *мировая субстанция*, или *хаос*, но и причина мира вещей, конвенциональный квазинаучный эвристический и объясняющий принцип. Многообразие вещей — следствие *первоматерии* как причины этого многообразия. Но самое это многообразие вещей вновь порождает рукотворный и уникальный предмет, который алхимик ищет уже готовым, но и творит его заново. Сам, впервые, только один раз — в первый и в последний раз! — никому не подражая, ни у кого не учась. Демиург. Мастер. Артист. *Раймонд Луллий* сообщает: *в камне сокрыта тайна порошка Великого магистерия. Эта тайна есть Солнце, Луна и крепкая водка* (ВСС, 1, с. 823). Странная, воистину художническая палитра красок: *слово и вещество*; понятие-символ и вещный объект; Солнце, Луна и крепкая водка. Квазинаучные обобщения вновь за занавесом. *Первичная материя* приготовлена и больше не нужна. В руках алхимика-артиста снова резец ваятеля и кисть художника. И все это для творческого единственного дела во имя сотворения единственной вещи. Есть только один *камень*, одна *материя* для опыта, один *огонь*, один *способ варки* для того, чтобы достичь белого и красного цветов, и все совершается в одном *сосуде*. Один, сам по себе, и алхимик, несмотря на то, что их тысячи. Все равно один.

Мирской неуспех алхимика, похоже, раздражает технохимика-умельца. На самом же деле истинное его неудовольствие коренится в другом. Злато-сереброискательское «ремесло» алхимика, во-первых, укоренено в какой-никакой, но теории; во-вторых, оно — еще и каприз артиста. Это последнее обстоятельство особенно раздражало настоящего ремесленника, хотя все его нападки были устремлены на разоблачение алхимического квазитеретизирования, ибо в тайне ремесленник считал себя тоже служителем рукотворных искусств, но только без «божества и вдохновенья», полагая и то и другое помехою. И все же лучшие мастера-ремесленники были и художники, и теоретики сразу, правда, стыдившиеся этого и прячущие это в своих многотрудных ремесленных буднях. Таков *Бернар Палисси* из XVI века, художник и теоретик, а в результате только практик глазури. Вот что он — вдобавок к уже говоренному мною — писал об алхимиках: *«Я желаю, чтобы чтение этой книги пошло тебе на пользу. Вот почему предупреждаю тебя: остерегайся пьянить ум свой знаниями, добытыми в кабинетах и диктованными воображением людей, никогда не делавших опыты. Не верь также мнению тех, кто говорит, что теория порождает практику. Если бы люди могли осуществлять всякие замыслы своего воображения, я был бы на их стороне. Но это ведь не так. Совсем даже не так»* (Любимов, 1892, 2, 2 пагинация [паг.], с. 98—99).